

контролю і нагляду різних приписів, постанов, пов'язаних з виявленими порушеннями законності.

Удосконалення нагляду за юрисдикційною діяльністю контролюючих органів, ймовірно, необхідно пов'язувати з тим, наскільки активно вони припиняють протиправну поведінку, встановлюють і усувають її причини й умови, застосовують адміністративні санкції, ставлять питання перед виконавчими органами про притягнення вищих до відповідальності. Пасивність у цих питаннях повинна розглядатися прокуратурою як одна з форм порушення законності.

Список літератури: 1. Прокурорський нагляд в Україні. Навчальний посібник / Під ред. проф. Ю.М. Прошєвого, доц. І.Є. Марочкіна. Харків, 1994. 2. Див., наприклад, Шумський П. Роль прокуратури у захисті прав людини // Право України. 1997. № 3; Руденко М. Про співвідношення державного контролю і прокурорського нагляду (концептуальні зауваження на перехідний період) // Право України. 1997. № 5; Главговський В., Руденко М. Становлення і розвиток української моделі прокурорського нагляду на сучасному етапі // Право України. 1996. № 1; Михайленко О.Р. Чи відповідає прокуратура демократичним принципам права // Закон і бізнес. 1996; Пинаєва А.О. Місце прокуратури в системі органів влади на сучасному етапі розвитку України // Правова система України. Теорія і практика. К., 1993; Косюта М.В. Роль прокуратури як законохоронного органу на сучасному етапі розвитку Української держави // Правова держава України: проблеми, перспективи розвитку. Харків, 1995. 3. Див.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. 4. Бандурка О. Прокуратура: думки про її реорганізацію // Право України. 1995. № 8. 5. Сухонос В. Місце прокуратури в системі органів державної влади України, її розвиток та правове забезпечення гарантій діяльності // Право України. 2000. № 6.

Надійшла до редакції 5.12.2002 р.

Н.Н. Ярмыш

Проблема целевой причинности в философии и уголовном праве

Проблема целевой причинности является частью более широкого вопроса – об объективном характере причинной связи. С тем, что причинная связь – явление объективное, в теоретическом плане не спорят. Правоведы фактически единодушно относят ее к признакам объективной стороны правонарушения, в том числе и преступления. За редкими исключениями, исследователи признают, что наличие причинной связи не зависит даже от того, известно ли человеку, совершившему определенные действия, о том, что они вызвали некий негативный результат. Причинная связь не определяется отношением лица к собственным действиям и их последствиям. От этого отношения, т.е. от стороны субъективной, зависит решение вопроса об ответственности, а не о наличии либо отсутствии причинной связи. Но при анализе конкретных практических ситуаций сами же исследователи порой от этого, казалось бы, незыблемого, представления порой отступают, придавая целенаправленности действий не свойственное им значение. Такое положение имеет место и в философии.

Сразу оговоримся, что некоторые философы термин “целевая причинность” используют в широком смысле (такая традиция проистекает из

античной философии, берет начало в работах Аристотеля). Целевую причинность видят не только в действиях человека, но и в живой природе вообще, а некоторые философы – даже в функционировании неживых “самоорганизующихся” (кибернетических, автоматических) систем. Таких взглядов придерживается, в частности, Н.Т. Абрамова [1, с.44], Т.Я. Сутт [2, с.56], В.Н. Сагатовский [3, с.85]. В.Н. Сагатовский поясняет: “Под целью в самом широком смысле понимается то состояние, к которому объективно приходит система в результате своего движения. Познание такой цели показывает, куда движется система..., достижению каких объективных целей это способствует”. Правда, сторонники широкого толкования целевой причинности оговаривают, что там, где речь идет не о человеке, они имеют в виду “неосознанные” цели. На это хочется возразить, что сама неосознанность все-таки предполагает возможность осознания, является ее антиподом. Где нет сознания, неоткуда взяться и неосознанности. Достаточно искусственными воспринимаются примеры “неосознанной цели”, вируса, внедряющегося в человеческий организм, а тем более устройства, регулирующего температуру в холодильнике. Другое дело, когда применительно к техническим устройствам говорят о целенаправленной их управляемости человеком. Но как раз это – вполне осознанный процесс. Осознан он, конечно, человеком, задавшим машине определенную программу, которая и реализуется в такой, вовсе не самоорганизующейся, системе. Только человек вносит в процесс “самоорганизации” какой-либо системы целенаправленное начало.

Вызывает сомнение и сама постановка вопроса об “объективных целях”. Ведь в философии и психологии достаточно прочно утвердилось представление о цели как об “идеальном”, мысленном образе, предвосхищающем действие. Цель – это всегда движение мысли в будущее, отражение определенных возможностей. Только человек оперирует такими представлениями, опережая мысленным планированием совершение действия. Только в поведении человека образ задуманного результата внутренне включен в его структуру. Поэтому вполне оправданной считаем постановку вопроса И.Т. Фроловым: не лучше ли сохранить термин “цель” лишь в его непосредственном, специфическом значении, связанном с осознанием, идеальным представлением конечного результата деятельности? “Какие новые знания мы получим, если навяжем – хотя бы и чисто терминологически например, растениям “выбор цели”, “стремление к цели”, “целенаправленную деятельность”?, – риторически спрашивает он. Этот известный философ и естествоиспытатель приходит к выводу, что вряд ли оправдано искусственно вносить неоднозначность в терминологию науки, тем более, что стремление исследователей к ее точности и четкости все более возрастает [4, с.149-150].

Каждый знает, что представлению о причине соответствует вопрос “почему?”, а о цели – вопрос “зачем?”. Это подтверждают и специальные исследования лингвистов [5, с.386-397; 6, с.5-49]. Поэтому логичными вос-

принимаются аргументы авторов одного из учебников по философии: “Если в человеческом мире целевые отношения оправдывают законность наших вопросов зачем?, для чего?, то те же вопросы, обращенные к природе, лишены смысла и ничего не объясняют...здесь законен только вопрос почему?” [7, с.76]. Именно так видят проблему и естествоиспытатели. Французский биолог, разносторонний ученый Жан Фабр обращал внимание своих коллег, что связывать причину и следствие – значит искать ответ на вопрос “почему?”. В связи с этим вспоминается реплика М. Борна (брошенная, правда, по другому поводу) о том, что не надо задавать природе глупых вопросов. В свое время относительно того, что “бессмысленно подсовывать природе сознательную и намеренную цель” говорил и Ф. Энгельс [8, с.67].

Соглашаемся и с авторами учебника, которые разъясняют, что экстраполяция целевой причинности на процессы, не связанные с сознанием человека, неминуемо приводит к телеологии – учению о примате цели в мировом развитии над причинными основами. Телеология наделяет объекты действительности, в том числе и Вселенную всеми признаками человеческого существования. Тем самым она устраняет понятие причинности, подменяя его понятием конечной (финальной) цели [9, с.216]. Материалистическая же трактовка цели (которая близка автору этой статьи в силу мировоззренческих ориентаций) исходит из признания производного характера цели как активной стороны человеческого сознания: только человек обладает “всепроницающей целеполагающей сутью”, только его деятельность, “будь то исследование, межличностное взаимодействие или что-либо еще, – принадлежит сфере целевых устремлений, направленных на результат” [10, с.54].

Представление о целевой причинности в качестве конечной, божественной, вечной и неизменной сущности для уголовно-правового исследования неприемлемо. В силу приведенных аргументов мы присоединяемся к тем исследователям, которые проблему целевого причинения связывают исключительно с поведением человека. С наших позиций, лишь поведение человека в своей основе сознательно организовано и целенаправленно.

Конечно, причинная связь, целенаправленно создаваемая людьми, существами, которые обладают сознанием и волей, имеет свою специфику по сравнению с сугубо физической причинностью. Видимо, прав Ш.А. Алекперов, что в обществе она “проявляется не с такой точностью, как в природе”. Очевидно, здесь имеется в виду тот аспект принципа причинности, что сходные события порождаются сходными явлениями при сходных обстоятельствах. Ясно, что к человеческому поведению этот принцип применим с еще большим трудом, чем к остальной природе, в силу абсолютной неповторимости и практической непредсказуемости психики каждого человека, зависимости его поведения от неисчислимого количества внешних и внутренних факторов. Эти рассуждения, на наш взгляд, скорее

относятся к причинам того или иного поступка человека, чем к самому этому поступку, как причине порожденных им изменений в реальной действительности. Но итог все тот же: несмотря на то, что в обществе, в отличие от природы, причинная связь проявляется через практическую деятельность людей, она *объективна*. [11, с.24].

Справедливо замечание Л.Б. Баженова: “То обстоятельство, что категория причинности плодотворно работает в познании, доказывает, что в ней есть объективное содержание, что она отражает независимо от нее существующую объективную реальность” [12; с.329]. Именно благодаря идее об объективной причинности человек обрел способность познавать законы природы. Этой идее человечество обязано открытием и законом, являющегося основой современного естествознания, – закона сохранения и превращения энергии. Действительно, весь опыт человечества основан на практическом использовании причинных зависимостей. По мысли Э.В. Ильенкова, категория причинности, как и другие философские категории, потому и отражены научным пониманием, что тысячелетиями проверены на объективность “в горниле общественно-человеческой практики” [13, с.314]. Вполне можно согласиться и с тем, что отрицание объективности причинной связи равносильно отрицанию самой этой связи [14, с.8].

И тем не менее, среди работ криминального цикла встречаются такие, в которых объективный характер причинной связи, по нашему мнению, сводится на нет. Приведем наиболее яркие пример такого положения дел. Мы уже говорили о том, что цель сама по себе, вне конкретных действий по ее реализации, не имеет ни малейшего отношения к процессу причинения. Тем более, не может выступать как причиняющий фактор цель законодателя, заложенная им при конструировании той или иной статьи Уголовного кодекса. Думается, сама постановка вопроса о причиняющем характере такой цели недостаточно оправдана.

Однако именно так ставит вопрос А.А. Тер-Акопов, когда утверждает, что в основе причинной связи при бездействии “лежит действие информации, заложенной в правовой норме”. Исходя из этого он делает заключение, что “информационная причинная связь бездействия с последствием” имеет место не только когда бездействие одного человека служит определенной информацией для другого, но “и в случае, когда информация о бездействии другими субъектами не воспринимается”. В такой ситуации, с точки зрения А.А. Тер-Акопова, “основную роль в информационном взаимодействии играет правовая норма”. [15, с.121-122, 125-126, 136].

Подобным образом ставится вопрос и в статье М. Романова и М. Корчана [16, с.100-102]. Они анализируют весьма популярный в последнее время пример из судебной практики. Суть его в следующем. Вопреки установленным правилам, водитель грузового автомобиля перевозил людей в не оборудованном для этого кузове. Один из пассажиров, увидев знакомого, выпрыгнул из кузова, попал под заднее колесо и погиб. Суд

первой инстанции признал, что смерть пассажира находилась в причинной связи с нарушением правил безопасности эксплуатации транспорта, и квалифицировал действия водителя по соответствующей статье. При повторном рассмотрении дела суд пришел к другому решению: “совершенное водителем деяние не находится в причинной связи с событием..., поскольку потерпевший выпрыгнул из кузова по своей инициативе, что не связано с непригодностью последнего для транспортировки людей”. Авторы анализируемой статьи предлагают разобраться в том, какое из решений суда было правильным, исходя из “целевой направленности нормативного распоряжения”, а также из мотивов, которыми руководствовался человек, покинувший кузов автомобиля. По поводу целей запрета на перевозку пассажиров сомнений нет. Запрет, конечно, обусловлен тем, что “вследствие толчков и колебаний, возникающих во время движения, возможно травмирование пассажиров и их выпадение из кузова”. Сомнения возникают в другом. Авторы ставят наличие либо отсутствие причинной связи в зависимость от того, чем руководствовался пассажир, выпрыгивая из машины: “был ли дискомфорт и неустойчивое положение пассажира в кузове грузового автомобиля тем фактором, который вынудил его покинуть кузов?”. Если прыжок был вызван именно этим, утверждают М. Романов и М. Корчан, то “допущение водителем нарушения правил дорожного движения находится в причинной связи с последствиями” (со смертью пассажира). А если будет установлено, что “желание покинуть кузов автомобиля” обусловлено другими факторами, а не “дискомфортом, тогда причинной связи между нарушением правил перевозки пассажиров и смертью выпрыгнувшего из машины человека нет. Такая трактовка причинной связи представляется весьма надуманной. Вызывает недоумение предположение, что человек, которому стало неудобно в кузове, решил вдруг из него буквально выброситься. И каким это образом можно установить, что думал потерпевший, перед тем, как выпрыгнуть, если он погиб под колесами? А главное – зачем это надо устанавливать? Что может измениться в объективной действительности от его предсмертных мыслей? Совершенно непонятно и то, как превентивная “целевая направленность нормативного распоряжения” может послужить причиняющим фактором по отношению к смерти конкретного человека. Ведь авторы прямо так и пишут: “В основе деятельного подхода к исследованию причинной связи в делах о нарушении правил дорожного движения (технических норм) лежит программно-целевой метод, в соответствии с которым для установления причины и характера связи ее с последствиями необходимо четко определиться в вопросе: какова целевая направленность того или иного нарушенного нормативного требования”. При всем этом М. Романов и М. Корчан заверяют, что они понимают причинную связь как объективную категорию. Ссылаясь на И.И. Новинского, они воспроизводят известное положение о том, что “целевая направленность деятельности не может быть выведена за пределы “цепи причин”. Конечно, не может. Но имеется в виду именно *деятельность*, а не *мысль* законодателя (или кого угодно) сама по себе.

Попытки придать правовой норме роль причиняющего фактора, на наш взгляд, целиком и полностью отрывают причинную связь от жизненных реалий и производительной основы. Если причинная связь зависит от воли законодателя, то от нее ничего не остается в тех случаях, когда законодатель изменяет свою волю – декриминализировать деяние. Взгляд на “информационную причинность” как на запечатленную в правовом акте волю законодателя попросту уничтожает причинную связь как объективное явление, сводит на нет процесс причинения. Была на то воля законодателя – была и причинная связь; теперь ее нет – и причинная связь исчезла. И наоборот, как только соответствующий нормативный акт вступил в законную силу – вот она якобы и возникла. При таком подходе о признании за причинной связью статуса объективного явления не может быть и речи.

Мы же полностью разделяем господствующее как в философии, так и в других сферах знания представление о том, что причинная связь объективна. Ее наличие либо отсутствие не зависит ни от воли законодателя, ни от осознания процесса причинения человеком, его инициировавшим. Причинная связь имеет место независимо от того, совершал ли человек определенные поступки специально, чтобы добиться определенного результата (сознательно, целенаправленно создавал причинную связь), или же причинение некоего вреда явилось побочным либо даже вовсе непредвиденным следствием его поведения. То обстоятельство, что человек целенаправленно создавал причинную связь, изощренно, хитроумно ее “конструировал”, вовсе не придает этой связи “субъективного” характера. Не имеет значения, что перед нами: несчастный случай или ход в сложной игре.

С другой стороны, как бы ни мечтал человек о том, чтобы произошло нужное ему событие, сколько бы он ни думал об этом, даже если желаемое и произошло, он не имеет никакого отношения к его причинению, при условии, что во исполнение того, чего он так хотел, им не было совершено тех действий, которые можно признать причиной данного события. Мы твердо стоим на позиции, что ничего нельзя причинить мыслью (гипотезы о возможности передачи мысли на расстояние, передвижения предметов с помощью одного лишь сознания и т.д. мы не принимаем во внимание, как недоказанные и, по нашим представлениям, лежащие в сфере мистики).

Причинная связь как воплощение тщательно продуманного, идеально спланированного человеком развития событий все равно остается объективной, как и та связь, которая осталась им не замеченной. Целенаправленность действий, устремленность к причинению вреда, равно как и отсутствие вредоносной цели, для решения вопроса о наличии либо отсутствии причинной связи безразличны. Этими обстоятельствами определяется вопрос не о ней, а об ответственности за совершение данных действий.

Список литературы: 1. Абрамова Н.Т. Процесс регулирования и его основные формы // Вопросы философии. 1986. № 1. 2. Сугт Т.Я. К проблеме цели и целенаправленности развития в живой природе // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 324. Труды по философии. Тарту, 1974. 3. Сагатовский В.Н. Методологические проблемы современной медицины // Вопросы философии. 1968. № 1. 4. Философия и современная биология / Под общ. ред. И.Т. Фролова. М.: Полигидат,

1973. 5. Кодухов В.И. О причинных союзах в связи с развитием сложноподчиненных предложений // Известия АН СССР, серия литературы и языка. Т.25. Вып. 5. М., 1966. 6. Черкасова Е.Т. Причинные союзы и их значение в старославянском языке // Ученые записки института славяноведения. Т. 9. М., 1954. 7. Философия: Учебник / Под. ред. В.Д. Губина и др. М., 1967. 8. Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.20. М., 1961. 9. Философія: Підручник / Отв. ред. Г.А. Заїченко та ін. К., 1995. 10. Решер Н. Границы когнитивного релятивизма // Вопросы философии. 1995. № 4. 11. Алексеров Ш.А. Категория причинности материалистической диалектики: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Баку, 1962. 12. Баженов, Л.Б. Концептуальная эволюция понятия причинной связи // Философские основания естественных наук. М., 1976. 13. Ильенков Э.В. Диалектическая логика: очерки истории и теории. 2-е изд., доп. М., 1984. 14. Векуа Г.Е. Проблема причинности в философии и медицине: Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Тбилиси, 1974. 15. Тер-Акопов А.А. Бездействие как форма преступного поведения. М., 1980. 16. Романов М., Корчан М., Причинний зв'язок при порушенні технічних норм та його дослідження в кримінальному процесі // Право України. 2000. № 1.

Надійшла до редакції 15.12.2002 р.

Р.Б. Шишка

Автор як суб'єкт творчості

Проблема суб'єкта правовідносин, у тому числі тих, що виникають у процесі творчості, із закріпленням у ст. 3 Конституції України положення про те, що людина, її життя та здоров'є, законні права та інтереси є найвищою цінністю в державі, кардинально змінює не тільки критерії оцінки діяльності держави, але і наповнення її головного інструменту впливу на економічні та соціальні процеси [1] – законодавства, насамперед, цивільного. Воно як конституція громадянського суспільства повинно реально забезпечити можливість реалізації фізичними особами самостійно чи через інших осіб визнаних за ними державою прав та юридично значимих інтересів. Чим більші та вагоміші можливості реалізації прав особи, тим кориснішою вона є для суспільства. Лише цілеспрямовані творчі особистості здатні забезпечити прогрес суспільства. Бездарі, ледачі, п'яниці, хитруни нічого для суспільства не створюють і рано чи пізно стають для нього яромом. Лише творчі особистості можуть забезпечити розквіт суспільству. Тож ці особистості повинні бути: а) упевнені в свої правах та їх непорушності; б) мати можливість безперешкодно здійснювати свої права та законні інтереси; в) бути опікувані турботою держави та суспільства; г) мати змогу життєво себе забезпечувати відповідно до того внеску, який вони роблять у суспільну скарбницю інтелектуальних, а через них матеріальних цінностей; д) бути швидко і ефективно захищеними в разі порушення їх прав та законних інтересів; ж) відчувати повагу та шану до своєї особистості. Але тут виникає проблема “зіркової хвороби”. Отже, інколи краще не дохвалити, ніж перехвалити.

Первинним суб'єктом права інтелектуальної власності в більшості правових систем визнається саме автор. Чинне законодавство виходить з того, що автором визнається особа, працею якої створено результат творчої діяльності. Це передбачено новим ЦК України, статтями першими законів України “Про внесення змін до Закону України “Про авторське право і суміжні права”